

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. О. А. Туфанова
г. Москва, Россия

**«КТО КОВО ЛЮБИТЬ, ТОТЬ О ТОМЪ ПЕЧЕТСЯ...»:
МОТИВ ЛЮБВИ К ДЕТЯМ
В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА**

Аннотация: Многие сочинения протопопа Аввакума проникнуты глубокой, искренней любовью к родным детям. Рождение ребенка в семье, по мнению протопопа, большая радость, смерть младенца или маленьких детей — величайшее горе для родителей. Не случайно Аввакум часто вспоминал о смерти двух своих маленьких сыновей. Информативные рассказы об этом горестном событии и в «Житии», и в челобитных царю Алексею Михайловичу наделяются скрытой эмоциональностью. Аввакум постоянно упоминает, что дети умерли «в нужде»; а за этим скрываются переживания отца, сначала наблюдавшего страдания маленьких детей от «гладных нужд», а затем и смерть. Мотив любви, не являясь ведущим ни в челобитных, ни в письмах семье, ни в «Житии», находит различное выражение. Наряду с традиционными средствами отображения эмоций, в произведениях Аввакума огромную роль играет поэзия факта. Судьбы детей связаны с борьбой протопопа за «старую» веру и потому насыщены мучениями и страданиями. Один из самых ярких и противоречивых эпизодов «Жития» — это рассказ о том, как чуть не повесили двух сыновей протопопа. Во многих произведениях, как проповедник, протопоп призывает детей терпеливо переносить скорби и беды; как родной отец, жалеет их и искренне переживает из-за их физических и моральных страданий и сломанных судеб. Через всю жизнь Аввакум пронес любовь к детям, приоткрыв в своих сочинениях трогательную нежность и отеческую заботу о них.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, мотив любви, поэзия факта, эмоциональность, «Житие», челобитная, письмо, дети.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>. E-mail: tufoa@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.12.2019

Дата публикации: 28.06.2020

Для цитирования: Туфанова О. А. «Кто ково любить, тотъ о томъ печется...»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 89–100. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-89-100>

Вся жизнь и творчество протопопа Аввакума (1620/1621–1682), страстного защитника «старой» веры, была «героическим служением идее» [1, с. 241]. Дух обличения, демократизм [15], идея служения правде как Божьему делу, проповедь борьбы против реального социально-обусловленного зла и его носителей на земле [2; 3], протест против феодальной эксплуатации [11, с. 261], осознание своего века как катастрофического, когда все природные стихии «выступают из своих пределов» [10, с. 35], пронизывают идеологию и эстетику Аввакума. И во всех текстах «огнепальный» протопоп предстает как борец за Божье дело, ярый противник церковных «новин», создающий яркие сатирические портреты никониан-«душегубцев» [7], защитник «правоверных» людей [4, с. 124, 137] и мученик, тонко чувствующий и описывающий трагикомичные ситуации, действия и характеры [12].

«Долголетний подвиг страдания за проповедуемые им идеи» надел «на него мученический венец» и поставил «на одно из первых и самых почетных мест в ряду апостолов раскола» [13, с. 105]. Гонимый и осуждаемый церковной и светской властью за свои убеждения, Аввакум большую часть жизни провел в ссылках и заключении. Разлученный с женой и детьми после осуждения на церковном Соборе 1666–1667 гг., протопоп мучительно переживал за их не менее трагические судьбы. Завершая Письмо боярыне Ф. П. Морозовой, протопоп пишет: «Кто ково любить, тотъ о томъ печется, и о немъ промышляеть предъ Богомъ и челоувѣки» [14, стб. 916]. Находясь в далеком Пустозерске, он все время обращается мыслями к родным и близким. И потому многие его сочинения пронизывает мотив любви к детям, свидетельствующий о том, что «под грубой аскетической внешностью самого писателя скрывалось любящее сердце», а под «неуклюжей оболочкой часто сквозило нежное чувство» [13, с. 167].

В «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном» (1672–1675), известном в нескольких редакциях [5], главный герой предстает «во всей его противоречивой сложности и в то же время героической цельности» [1, с. 257]. Мы видим его в разные моменты жизни, а рядом с ним — величественный образ супруги Анастасии Марковны¹ и трогательные образы детей. У Аввакума было девять детей: Иван (1644–1720), Агриппина (1645 – ?), Прокопий (1648 – после 1717), Афанасий (1664 – ?), Корнилий (1653 – ?), Акулина, Аксиныя; имена двух маленьких сыновей, умерших во время Сибирской ссылки, неизвестны.

Не всегда и не во всех эпизодах «Жития» «огнепальный» протопоп прямо пишет о своих чувствах к детям. Скорее, наоборот, скрывает их за внешне сухими фактами. Но эти факты порой говорят сами за себя.

Рождение ребенка в семье, по мнению Аввакума, большая радость и большое событие, особенно для матери [17, с. 237]: «Жена, егда родить отроча, скорбь имать, яко приспѣ годъ ея; егда же родить отроча, к тому не помнить скорби за радость, яко родися челоувѣкъ в мѣръ» («Книга Бесед») [14, стб. 254]. Смерть младенца или маленьких детей — величайшее горе для родителей. Не случайно Аввакум часто вспоминал о смерти двух своих маленьких сыновей. Об этом он пишет в «Житии»: «Охъ времени тому!

¹ Специфике изображения и вопросу «правдивости» изображения протопопицы автором «Жития», анализу взаимоотношений мужа и жены посвящена статья доктора исторических наук Ю. П. Зарецкого, который, оценивая «правдивость этого изображения», пришел к следующему заключению: «<...> фигура протопопицы в автобиографии Аввакума — это в первую очередь образ идеальной христианки, женщины-мученицы, призванный служить примером для подражания гонимым сторонникам “истинной” веры. И лишь во вторую — свидетельство о личных качествах конкретного человека, о семейном положении женщины в России XVII века, и т. п. Иначе говоря, это скорее иконописный образ, чем портрет с натуры». См.: [9, с. 20].

И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тѣхъ <...>» [14, стб. 27]. Об этом сообщает и в первой челобитной царю Алексею Михайловичу: «У меня же, грѣшника, в той нужде умерли два сына, — не могли претерпѣть тоя гладныя нужды <...>» [14, стб. 727], и в третьей челобитной царю Алексею Михайловичу: «И в Даурской странѣ у меня два сына от нужи умерли» [14, стб. 754]. Информативный рассказ наделяется скрытой эмоциональностью: Аввакум постоянно упоминает, что дети умерли «в нужде»; а за этим скрываются переживания отца, сначала наблюдавшего страдания маленьких детей от «гладныя нужды», а затем и смерть. Отсюда — и горестное восклицание в «Житии», предваряющее сообщение.

Заботливый и внимательный отец, протопоп не понаслышке знает о такой распространенной болезни у младенцев, как колики в животе, которую он называет «грыжною болезнью»: «Ко мнѣ же, отче, в домѣ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ, скорбію одержимыхъ грыжною; и мои дѣтки егда скорбѣли во младенъчествѣ грыжною болѣзнію, и я масломъ священнымъ, с молитвою презвитеръскою, помажу вся чювьства и, на руку масла положи, младенцу спину вытру и шульятка, — и, Божією благодатию, грыжная болѣзнь и минуется во младенце» [14, стб. 79–80], — очень точно подбирая слова «скорбію одержимыхъ», «скорбѣли», которые отражают и состояние детей, и сострадание к ним.

Детские болезни и физические страдания больно ранят отцовское сердце. Именно страх за жизнь детей понуждает Аввакума обратиться с третьей челобитной к царю Алексею Михайловичу: «Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моихъ умилосердися ко мнѣ» [14, стб. 753]. С этим связана просьба оставить его в «Колмогорах»: «Свѣтъ-государь, православный царь! Умилися къ странъству моему, помилуй изнемогшего в напастѣхъ и всячески уже сокрушена: болѣзнь бо чадъ моихъ на всякъ часъ слез душу мою исполняетъ» [14, стб. 754]. В «Житии», рассказывая о выпавших на долю его семьи испытаниях в Сибири, протопоп пишет: «<...> а с прочими (детьми. — *О. Т.*), скитающа по горамъ и по острому каменію, наги и боси, травою и кореніемъ перебивающа, кое какъ мучилися» [14, стб. 27]. Здесь мы опять имеем дело с фактом, скрытую эмоциональность которому придает глагольная лексика: «скитающа», «перебивающа», «мучилися». Благодаря ей становится понятна оценка этого периода протопопом, который воспринимает все происходящее и спустя годы как мучение. Более открыто и ярко о своих чувствах в связи со страданиями маленьких детей в Сибирской ссылке Аввакум говорит в первой челобитной царю Алексею Михайловичу: «<...> иногда младенцы мои о острое камене ноги свои до крови разбиваху, и сердце мое злѣ уязвляху, рыдающе горкими слезами <...>» [14, стб. 727].

Для Аввакума не имеет значения возраст детей; они, уже взрослые, остаются для него детьми, о милости к которым протопоп просит царя Алексея Михайловича, например, в четвертой челобитной: «Изволь, самодержавне, съ Москвы отпустить двухъ сынове моихъ къ матери ихъ на Мезень, да, тутъ живучи вмѣстѣ, за ваше спасеніе Бога молятъ; и не умори ихъ съ голоду, Господа ради. <...> Умилися, святая душа, о женѣ моей и о дѣтѣхъ» [14, стб. 756].

Большое значение протопоп придавал таинству крещения и исповеди. Не имея возможности крестить детей в церкви «по-старому», он и крестил, и исповедовал, и причащал своих детей сам: «Доброй прикащикъ человѣкъ, дочь у меня Ксенью крестиль. Еще при Пашкове родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мѣра и масла, такъ не крещена долго была, — послѣ ево крестиль. Я самъ женѣ своей и молитву говорилъ, и дѣтѣй крестиль с кумомъ с прикащикомъ, да дочь моя болшая кума, а я у нихъ попъ.

Тѣмъ же обрасцомъ и Афанасья сына крестиль и, обѣдно служа на Мезени, причастиль. И детей своихъ исповѣдываль и причащаль самъ же, кромѣ жены своея; есть о томъ в правилехъ, — велено такъ дѣлать» [14, стб. 40]. Находясь в заключении в Никольском монастыре на Угреши, он пишет «грамотку» семье, в которой побуждает супругу, в его отсутствие, заботиться о чистоте и правильности духовной жизни детей: «Не обленись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитесь. <...> молитвами вси святии спасошася, молитва прилежна паче огня на небо возлетает. Добро молитва! Ей же помогает пост и милостыня. Не ленитесь молиться, да не бесплодни будете» [8, с. 150]. С восторгом отмечает в другом письме семье храбрый поступок сына Афанасия, который, отвечая на вопрос воеводы, показал, как он «персты слагает», не испугавшись речей начальника: «уже-де где отец и мати, там же будешь!» [8, с. 153].

Диалог с супругой по возвращении из Сибири во многом проясняет, какое значение имела для Аввакума семья: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ, или молчать? — связали вы меня!» [14, стб. 43]. Мотив психологической связанности в этом эпизоде — один из важнейших трагических мотивов (см. подробнее: [16, с. 106–109]). Не случайно диалог предвосхищает внутренний монолог героя, в котором протопоп также упоминает об узах, связующих его с семьей: «Опечалюсь, сидя, разсуждаю: что сотворю? Проповѣдаю ли слово Божіе или скроюся гдѣ? Понеже жена и дѣти связали меня» [14, стб. 42–43]. Слова Аввакума — отнюдь не обвинение, не сожаление. Его размышления — это результат мучительной внутренней борьбы между религиозным долгом, как он его понимал, и отцовскими обязанностями, осознанием того, что от его выбора зависит благополучие родных и близких.

Оценивая этот диалог между мужем и женой, Ю. П. Зарецкий отмечает: «Судьбы (а, может быть, даже и жизни) жены и детей Аввакума в данном эпизоде, как мы видим, не имеют самостоятельного значения — они являются спутниками в его “плавании”» [9, с. 16]. И действительно, они «спутники» в том смысле, что судьбы Анастасии Марковны и детей зависят от жизненных перипетий главы семьи, они постоянно находятся рядом с ним, исключая периоды заключений, до ссылки в Пустозерск.

Дети и супруга разделяют все тяготы пути-«плавания» Аввакума: «Да и повезли на Мезень. <...> токмо з женою и дѣтми и з домочадцы повезли. <...> Полтара года державъ, паки одново к Москвѣ възяли; да два сына со мною, Иванъ да Прокопей, — съехали же; а протопопица и прочіи на Мезени остались всѣ» [14, стб. 51]; «Таже с Нерчи реки паки назадъ возвратилися к Русѣ. Пять недѣль по лду голому ехали на нартахъ. Мнѣ под робягъ и под рухлишко даль двѣ клячки; а самъ и протопопица брели пѣши, убивающеса о ледъ» [14, стб. 31] и т. д. Особенно ярко это видно во многих эпизодах «Жития», рассказывающих о Сибирской ссылке. Начиная повествование об этом периоде своей жизни, Аввакум пишет: «Таже послали меня в Сибирь з женою и дѣтми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила: болную в телѣге и повезли до Тоболска; три тысящи верстѣ недѣль с тринадцать волокли телѣгами и водою, и санми половину пути» [14, стб. 18]. Казалось бы, числовые указатели расстояния и времени — сухой факт. Но в сочетании с упоминанием о родах и болезни протопопицы, о «нуждах» «дорогою» эти факты становятся «говорящими».

Уставшая от трудности пятидневного передвижения по льду на Нерчи-реке, измученная протопопица спрашивает супруга: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» [14, стб. 32]. В этом вопросе — очень точная оценка пути-«плавания» не только Аввакума, но и его семьи. Путь Анастасии Марковны и детей — это путь нескончае-

мых, непрекращающихся мучений. Их страдания и трагически складывающиеся судьбы волнуют Аввакума, для него они имеют важное значение.

Это особое, тщательно скрываемое волнение и переживания растворяются в тексте «Жития» в бытовых деталях и подробностях. Так, в эпизоде, повествующем о бытии на Иргень-озере, Аввакум пишет: «А я лежу под берестомъ нагъ на печи; а протопица в печи; а дѣти кое-где: в дождь прилучилось; одежды не стало, а зимовье каплетъ, — всяко мотаемся» [14, стб. 33]. О чем здесь говорят детали «лежу <...> нагъ», «одежды не стало»? Нищета и, как следствие, реальная нагота приводят к тому, что дети остаются без присмотра. Эмоции передаются не прямо, а через просторечный глагол «мотаемся», который в данном случае синонимичен глаголу «мыкаемся», а по сути, «мучаемся». Кроме того, через описание конкретного физического положения и внешнего облика Аввакум показывает невозможность нормального ухода за детьми.

И таких «ненормальностей» в жизни протопицы и детей приведено довольно много в «Житии». Например, в эпизоде, рассказывающем о буре на «Тунгуске рекѣ», когда их «дощеникъ» «налился среди реки полонъ воды, и парусъ изорвало, — одны полубы над водою, а то все в воду ушло», Анастасия Марковна «на полубы из воды робять кое-какъ вытаскала, простоволоса ходя» [14, стб. 21]. Здесь мы видим тот же принцип рассказывания о событиях: конкретные бытовые детали, позволяющие зрительно представить тонущий «дощеникъ» с детьми и скарбом, внимание к внешнему облику («простоволоса ходя») и фиксация действий персонажа. Максимальное напряжение физических сил подчеркивается и в этом эпизоде просторечным глаголом «вытаскала», т. е. вытащила в несколько раз, в несколько приемов. Но главное сокрыто между строк: «из воды робять кое-какъ вытаскала» — спасение тонущих детей. Насколько оправданы были опасения за жизнь детей Аввакума, кричащего, «на небо глядя»: «Господи, спаси! Господи, помози!» [14, стб. 21], показывает финал эпизода: «На другомъ дощенике двухъ человекъ сорвало, и утонули в водѣ» [14, стб. 21].

Ощущением неразрывной связи с детьми проникнуты и другие фрагменты сочинений протопицы. Где бы Аввакум ни находился, он физически или мысленно стремится к детям. Это прослеживается во многих эпизодах «Жития», рассказывающих о Сибирской ссылке. Например, во фрагменте, описывающем, как Аввакум «на рыбной промыслъ к дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ на базлукахъ». Удовлетворив жажду из «пролубки», образовавшейся по его молитве среди толстых льдов, он, «восставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куды мнѣ надобе, к дѣтямъ» [14, стб. 46].

Даже в письмах, адресованных духовным детям, Аввакум вспоминает своих родных детей. Убеждая в чем-либо своих корреспондентов или рассуждая на какую-либо тему, протопоп нередко приводит в пример себя или близких. Так, в Письме к Ф. П. Морозовой, кн. Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой в Москву он рассказывает о том, что у него «в домишку дѣвка рабичищо робенка родила. Иныя говорятъ — Прокопей, сынъ мой, привалялъ; а Прокопей божится и запирается. В лѣтахъ дѣтина, недивно и ему привалять! Да сіе мнѣ скорбно, яко покаянія не могу получить. В ыную пору совѣсть рассвирѣпѣеть, хошу анафемѣ предать и молить Владыку, да послеть бѣса и умучить его, яко древле в коринфахъ соблудившаго с мачехою; и паки посужу, какъ бы самому в напасть не впасть: аще толко не онъ, такъ горе мнѣ будетъ тогда, — мученика казни предамъ!» [14, стб. 396]. Сквозь поучительный тон прорывается иной смысл — сложность взаимоотношений со взрослым сыном в непростой для него, как для отца, находящегося в заключении, и духовного лица, ситуации, когда расстояние и возраст лишают искренности общения.

Часто в «Житии» Аввакум описывает, где находились жена с детьми, пока он был в вынужденной отлучке или пребывал в заточении, что происходило с ними, как складывалась их жизнь. В скупых замечаниях заключено главное — их жизнь была наполнена мучениями и оскорблениями. Так, одно из первых упоминаний в «Житии» детей встречается в эпизоде, рассказывающем о бегстве Аввакума из Юрьевца-Повольского (1652) в Москву: «Азь же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дѣти, по Волге самъ-третей ушелъ к Москвѣ» [14, стб. 14]. Оказавшись в царствующем граде, он мыслями обращается к своей семье: «А жена и дѣти и домочадцы, человѣкъ з дватцеть, въ Юрьевце остались: невѣдомо — живы, невѣдомо прибиты! Тутъ паки горе» [14, стб. 14]. Переживания по поводу неведения о судьбе родных, чувство горя вызваны внутренним страхом: а вдруг и их «прибили» так же, как его? Расширение контекста объясняет мучительный страх за детей и жену и «горе», которые испытывает герой. До этого Аввакум описал, как жители Юрьевца-Повольского его «среди улицы били батожемъ и топтали <...>, замертва убили и бросили подь избной уголь» [14, стб. 13]. Из контекста становится понятно, что опасения Аввакума за жизнь детей рождаются не на пустом месте. Другой пример — пока Аввакум сидел в Братском остроге, его жену и детей за двадцать верст от него «мучила зиму ту всю» некая баба Ксения, «лаяла и укоряла» [14, стб. 25]. С горечью пишет Аввакум в Послании «братіи на всемъ лицѣ земномъ» о суровом испытании, выпавшем на долю его родных после церковного собора 1666–1667 гг.: «У меня Марковна сидитъ себѣ в земли с дѣтьми, будто въ клѣткѣ <...>» [14, стб. 776]. И т. д.

Очень внимателен Аввакум к судьбам своих детей. В «Житии» нет подробных рассказов о них, что обусловлено во многом спецификой самого жанра. Но в отдельных фрагментах Аввакум описывает, как благородные или невинные поступки детей оборачиваются для них мучениями. В этих рассказах господствует поэзия факта, но вместе с тем используются и традиционные средства изображения чувств. В одном из фрагментов повествуется о том, что Аввакума, заключенного в Братский острог, пришел проведать сын: «Сынъ Иванъ, — невеликъ былъ, — прибрель ко мнѣ побывать послѣ Христова Рождества, и Пашковъ велѣлъ кинуть в студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: начеваль милой и замерзъ было тутъ. И наутро опять велѣлъ к матери протолкать. Я ево и не видалъ. Приволокся к матери, — руки и ноги ознобилъ» [14, стб. 25]. Здесь значима каждая деталь. Эпитет «милой» показывает и глубокую любовь к сыну, и отцовские переживания по поводу его здоровья. Напомним, что жена с детьми были сосланы за 20 верст от Братского острога. Если учесть, что 1 верста равна 1066, 8 м, то Иван, который был в то время «невеликъ», брел, чтобы повидаться с отцом, в одну сторону примерно 21,336 км зимой по морозу (а морозы в Сибири, писал Аввакум в другом фрагменте «Жития», «велики живутъ» [14, стб. 46]), ночь провел в студеной башне, а потом в обратную сторону 21,336 км! В общей сложности ребенок прошел почти 42,672 км зимой по морозу! А отца так и не увидел! Аввакум — мастер поэзии факта. За скупыми деталями таится целый комплекс эмоций. Пашков велел посадить ребенка в ту же «студеную тюрьму», в которой до этого сидел Аввакум. Ранее, описывая свое сидение в той же тюрьме, Аввакум отметил: «тамъ зима в тѣ поры живетъ» [14, стб. 24]. Как и во многих других эпизодах о детях, Аввакум использует разговорно-просторечную лексику: Иван «прибрель <...> начеваль милой и замерзъ было тутъ <...> Приволокся <...> руки и ноги ознобилъ» [14, стб. 25]. Благодаря этому приему факты приобретают черты особой эмоциональности, они свидетельствуют об искренних переживаниях Аввакума из-за того, что сын попал в те же страшные условия, что и его отец, замерз

в тюрьме Братского острога, а на обратной дороге к матери обморозил руки и ноги. Спустя годы воспоминания об этом событии тревожат память Аввакума, и он пишет об этом в «Житии» не только с целью подчеркнуть жестокость воеводы Пашкова, но и потому, что не может забыть, какие страдания претерпел его сын.

В другом фрагменте «Жития» Аввакум вспоминает, как его дочь, «бѣдная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней (к жене Афанасия Пашкова Фекле Симеонове. — *О. Т.*) под окно. И горе, и смѣхъ! — иногда робенка погонять от окна без вѣдома боярнина, а иногда и многонько притащить. Тогда невелика была» [14, стб. 28]. Как и в предыдущем фрагменте, основным средством выражения эмоций здесь является эпитет «бѣдная горемыка», который используется в разных фрагментах «Жития» с целью подчеркнуть трагическую сложность физического выживания в ссылках и заключениях, усилить представление о тяготах духовных страданий (см.: [16, с. 87–89]), и глагол «бродила», подразумевающий многократность подобных вынужденных действий Агриппины. Это воспоминание тоже мучительно для Аввакума. Он сопоставляет детство дочери с ее нынешним, в момент написания «Жития», положением: «Тогда невелика была; а нынѣ ужъ ей 27 годовъ, — дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-какъ, плачючи, живутъ. А мать и братья в землѣ сидятъ. Да што же дѣлать? пускай горкіе мучатся всѣ ради Христа! Быть тому такъ за Божією помощію. На томъ положено, ино мучитца вѣры ради Христовы. Любилъ протопопъ со славными знатца: люби же и терпѣть, горемыка, до конца» [14, стб. 28]. Чувства отца, которые вновь отражают эпитеты и притяжательное местоимение «горкіе», «бѣдная моя», разговорная лексика «перебиваяся кое-какъ, плачючи, живутъ», приходят в противоречие с речами и убеждениями проповедника. Аввакум скорбит об участи своих детей, жалеет их, болезненно переживает из-за их сломанных судеб, о чем свидетельствует, помимо эпитетов и специфического подбора глагольной лексики, указание на семейное положение («дѣвицею»). Воспринимает их жизненный путь как мученичество. Примирение находит в убеждении: так положено — мучиться за веру, терпеть — не только собственные мучения, но и мучения жены и детей.

Жизнь детей настолько тесно связана с поступками отца, что порой на них обрушиваются беды, тайнопись которых должен разгадать Аввакум. Так, когда в Даурской земле протопоп «изнемогъ в правилѣ» и ушел однажды в лес за дровами, в его доме произошло несчастье: «<...> а без меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь с матерью — обе плачють. Огрофена, бѣдная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришелъ из лесу: зѣло робенокъ рыдаетъ; связавшуся языку ево, ничево не промолвить, мичить к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачетъ» [14, стб. 47–48]. Отдохнув, Аввакум «с молитвою приступилъ к робяти, рекль: “о имени Господеви повелеваю ти: говори со мною! о чемъ плачешь”? Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: “не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя, светленекъ, за языкъ-отъ меня держаль и с матушкою не далъ говорить; я тово для плакала; а мнѣ онъ говорить: скажи отцу, чтобы правило по-прежнему правилъ, такъ на Русь опять всѣ выедете; а буде правила не станеть править, о немъ же онъ и самъ помышляеть, то здѣмъ всѣ умрете, и онъ с вами же умреть” <...>» [14, стб. 48].

Обилие слез в произведениях Аввакума связано с представлением протопопа о том, что плач является важной составляющей жизни человека, который приходит в этот мир для слез: «Всякъ бо родится на плачь» [14, стб. 483]. Вся земная жизнь видится Аввакуму как «плачевное житие»²: «Дніе наши не радости, но плача суть. <...>

² Подробнее о символике плача в творчестве Аввакума см.: [16, с. 75–80].

И всякой младенец тако творить, прознаменуя плачевное сіе житіе: яко дніе плача суть, а не праздника <...>» [14, стб. 918]. Но в вышеприведенном эпизоде иначе расставлены акценты: плач ребенка, лишённого способности говорить, вызван небрежением отца в «правилах». Включение этого фрагмента в «Житие» обусловлено не только желанием протопопа на конкретном жизненном примере доказать необходимость прилежания к «правилам», но и свидетельствует об отцовском чувстве ответственности за физическое и моральное состояние ребенка и убеждении в том, что судьбы детей зависят от деяний и образа мыслей главы семьи.

Чем страшнее участь отца, тем трагичнее складываются и судьбы детей. Один из самых ярких и противоречивых эпизодов «Жития» — это рассказ о том, как чуть не повесили двух сыновей протопопа: «В тѣ жо поры и сыновѣ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопья, велено-жѣ повѣсить; да онѣ бѣдныя оплошали и не догадались венцовъ побѣдныхъ ухватити: испужався смерти, повинились. Такъ ихъ и с матерью троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и без смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже дьяволь иное что умыслить. Страшна смерть: недивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отречесе и, изшедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощень бысть. А на робять и дивить нѣчева: моего ради согрѣшенія попущено имъ изнеможеніе. Да ужъ добро; быть тому такъ! Силенъ Христосъ всѣхъ насъ спасти и помиловати» [14, стб. 62]. В этом фрагменте воедино сплелись самые разные чувства: Аввакум одновременно и жалеет сыновей («бѣдныя»), и осуждает за то, что смерти испугались, и переживает за то, что их, «живыхъ», в землю «закопали», по себе зная тяжесть такого подобного смерти наказания («Вотъ вамъ и без смерти смерть!»), и оправдывает («А на робять и дивить нѣчева: моего ради согрѣшенія попущено имъ изнеможеніе»).

Жалея родных, Аввакум обращается в Послании «всей тысящи рабовъ Христовыхъ» со страстной просьбой: «Раби Бога Вышняго! Посылайте денги мои къ женѣ моей и дѣтямъ <...>. Онѣ, бѣдныя, требуютъ и ко мнѣ приказываютъ съ Мезени-то, не вѣдома кой бѣды гладуютъ <...>. Робята робяцки и движются» [14, стб. 835]. Сидя в заточении, он продолжает заботиться о материальном благополучии семьи. В одном из писем семье он замечает: «Я Огрофене холстинку послал, да неведомо до нея дошла, неведомо — нет; уш-то ей, бедной, некому о том грамотки написать? Уш-то она бранится с братиею? А я сетую: не вестъ — дошла, неведомо — нет» [8, с. 151]. В письме Аввакум не говорит открыто о своих чувствах, скрывая свою любовь к старшей дочери за бытом («холстинку послал»), растворяя в постоянном в его текстах эпитете «бедная», который он неизменно употребляет по отношению к ней, в сетовании о неведении, получила ли передачу отца.

Единственный, пожалуй, случай откровенного выражения любви к одному из сыновей обнаруживается в письме, начинающемся словами «Возлюбленнии, молю вы...», да и то через ласковые вокативы: «Спаси бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой!» [8, с. 153].

Таким образом, многие сочинения протопопа Аввакума проникнуты глубокой, искренней любовью к родным детям. Мотив любви, не являясь ведущим ни в челобитных, ни в письмах семье, ни в «Житии», находит различное выражение. Наряду с традиционными средствами выражения эмоций, такими, как эпитеты, в произведениях Аввакума огромную роль играет поэзия факта, эмоциональность которой придает специфический подбор глагольной лексики. Судьбы детей связаны с борьбой отца за «старую» веру и потому насыщены мучениями и страданиями. Противоречивы чувства самого Аввакума: как проповедник, он призывает детей терпеливо переносить

скорби и беды; как родной отец, жалеет их и искренне переживает из-за их физических и моральных страданий и сломанных судеб. И только в самом конце жизни (конец 1670-х – начало 1680-х гг.), когда, по выражению Н. С. Демковой и В. И. Малышева, «разорваны» были «самые дорогие человеческие связи», когда семья была «фактически разрушена», Аввакум называет себя «сиротой» [6]. Но через всю жизнь, исполненную бед и напастей, «огнепальный» протопоп пронес любовь к детям, приоткрыв в своих сочинениях трогательную нежность и отеческую заботу о них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Гусев В. Е. Великий писатель древней Руси // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979. С. 236–263.
- 2 Гусев В. Е. «Житие» протопопа Аввакума — произведение демократической литературы XVII в. (постановка вопроса) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 380–385.
- 3 Гусев В. Е. Протопоп Аввакум — выдающийся русский писатель // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его произведения / под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960. С. 5–51.
- 4 Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1977. 296 с.
- 5 Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. 168 с.
- 6 Демкова Н. С. Малышев В. И. Неизвестные письма протопопа Аввакума // Записки отдела рукописей ГБЛ. М.: Книга, 1971. Вып. 32. URL: http://az.lib.ru/a/avvakum/text_1971_neizvestnye_pisma_avvakuma.shtml (дата обращения: 31.03.2020).
- 7 Елеонская А. С. Аввакум-обличитель и сатирик // Теория и история русской литературы / Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1963. № 190. С. 17–34.
- 8 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979. 368 с.
- 9 Зарецкий Ю. П. Автобиография и правда: Аввакум Петрович о Настасье Марковне // AvtobiografiЯ: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2013. Т. 2. С. 13–23.
- 10 Клибанов А. И. Опыт религиоведческого прочтения сочинений Аввакума // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. С. 33–40.
- 11 Кусков В. В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 1989. С. 260–268. С. 261.
- 12 Лихачев Д. С. Юмор протопопа Аввакума // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. М.: Наука, 1976. С. 75–90.
- 13 Мякотин В. А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. М.: Захаров, 2002. 198 с.
- 14 Памятники истории старообрядчества XVII в. / ред. В. Г. Дружинин. Л.: Академия наук СССР, 1927. Кн. 1, Вып. 1. ХСVII с., 960 стб. (Русская историческая библиотека. Т. 39).
- 15 Панченко А. М. Творчество протопопа Аввакума // История русской литературы XI–XVII веков / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Просвещение, 1985. С. 375–383.

- 16 Туфанова О. А. Творчество Аввакума: поэтика трагического. М.: Компания Спутник+, 2007. 144 с.
- 17 Хлистунова Н. В. Роль семьи в педагогических воззрениях протопопа Аввакума // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. Т. 17, № 43-2. С. 235–238.

***

© 2020. Olga A. Tufanova
Moscow, Russia

**“WHEN YOU LOVE SOMEBODY, YOU LOOK AFTER THEM...”:
MOTIF OF LOVE FOR CHILDREN
IN THE WORKS OF PROTOPOPE AVVAKUM**

Abstract: Many of protopope Avvakum’s works are imbued with deep, sincere love for his children. According to protopope, the child’s birth in family is a great joy, while the death of young babies — is a greatest grief for parents. Not coincidentally Avvakum used to think back on the death of his two little sons. Insightful stories about this sad event in his “Life” and petitions to the czar Alexey Mikhaylovich are imparted with implicit emotionality. Avvakum repeatedly notices that children died “in misery” which conceals rueful feelings of a father, first witnessing sufferings of his babies from starvation and then their death. Motif of love, not acting as a central neither in petitions nor in the correspondence with family or in “Life”, finds different ways of expression. Along with traditional means of emotional expression Avvakum’s works draw heavily upon the poetry of fact. His children’s destiny is connected with protopope’s struggle for Old belief and hence the narrative is charged with anguish. One of the most striking and contradictory episodes from the “Life” is a story of how his sons were near to death by hanging. As a preacher, through many works the protopope continuously encourages his children to be patient in adversities; as a father he feels pity for them, for their physical and moral sufferings and broken lives. His lifelong love for children shone in his works with heartfelt tenderness and paternal worry.

Keywords: devotion for children, encouragement in adversities, emotional expressivity, poetry of fact, protopope as preacher and father.

Information about author: Olga A. Tufanova — PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>. E-mail: tufoa@mail.ru

Received: December 12, 2019

Date of publication: June 28, 2020

For citation: Tufanova O. A. “When you love somebody, you look after them...”: motif of love for children in the works of protopope Avvakum. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 89–100. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-89-100>

REFERENCES

- 1 Gusev V. E. Velikii pisatel' drevnei Rusi [The great writer of Ancient Rus']. In: *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniia* [The Life of the

- Protopope Avvakum, written by himself, and his other writings]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979, pp. 236–263. (In Russian)
- 2 Gusev V. E. “Zhitie” protopopa Avvakuma — proizvedenie demokraticheskoi literatury XVII v. (postanovka voprosa) [“Life” of Protopope Avvakum — a work of democratic literature of the 17th century (statement of the question)]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, vol. XIV, pp. 380–385. (In Russian)
  - 3 Gusev V. E. Protopop Avvakum — vydaiushchiisia russkii pisatel' [Protopope Avvakum — an outstanding Russian writer]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego proizvedeniia* [The Life of Protopop Avvakum, written by himself, and his other works], editor by N. K. Gudzii. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960, pp. 5–51. (In Russian)
  - 4 Demin A. S. *Russkaia literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka* [Russian literature of the second half of the 17th – beginning of the 18th century]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 296 p. (In Russian)
  - 5 Demkova N. S. *Zhitie protopopa Avvakuma (tvorcheskaia istoriia proizvedeniia)* [Life of the Protopope Avvakum (creative history of the work)]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta Publ., 1974. 168 p. (In Russian)
  - 6 Demkova N. S. Malyshev V. I. Neizvestnye pis'ma protopopa Avvakuma [Unknown letters of the Protopope Avvakum]. In: *Zapiski otdela rukopisei GBL* [Notes of the manuscript department of the Lenin State Library]. Moscow, Kniga, 1971. Issue 32. Available at: http://az.lib.ru/a/avvakum/text_1971_neizvestnye_pisma_avvakuma.shtml (Accessed 31 March 2020). (In Russian)
  - 7 Eleonskaia A. S. Avvakum-oblichitel' i satirik [Avvakum — the accuser and satirist]. In: *Teoriia i istoriia russkoi literatury / Uchen. zap. MGPI im. V. I. Lenina* [Theory and History of Russian Literature / Scientific notes MGPI by V. I. Lenin]. Moscow, 1963, no 190, pp. 17–34. (In Russian)
  - 8 *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniia* [The Life of Protopope Avvakum, written by himself, and his other works], editor by N. K. Gudzii. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1979. 368 p. (In Russian)
  - 9 Zaretskii Iu. P. Avtobiografiia i pravda: Avvakum Petrovich o Nastas'e Markovne [Autobiography and Truth: Avvakum Petrovich about Nastasya Markovna]. *Avtobiografiia: Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, 2013, vol. 2, pp. 13–23. (In Russian)
  - 10 Klibanov A. I. Opyt religiovedcheskogo prochteniia sochinenii Avvakuma [Experience of theological reading of Avvakum's works]. In: *Traditsionnaia dukhovnaia i material'naia kul'tura russkikh staroobriadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Amerike* [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie Publ., 1992, pp. 33–40. (In Russian)
  - 11 Kuskov V. V. *Istoriia drevnerusskoi literatury* [History of Old Russian Literature]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1989, pp. 260–268. (In Russian)
  - 12 Likhachev D. S. Iumor protopopa Avvakuma [Humor of Protopop Avvakum]. In: Likhachev D. S., Panchenko A. M. “*Smekhovoi mir*” *Drevnei Rusi* [“The Laughter World” of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 75–90. (In Russian)

- 13 Miakotin V. A. *Protopop Avvakum. Ego zhizn' i deiatel'nost'* [Protopop Avvakum. His life and work]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 198 p. (In Russian)
- 14 *Pamiatniki istorii staroobriadchestva XVII v.* [Monuments of the history of the Old Believers of the 17th century], editor by V. G. Druzhinin. Leningrad, Akademii nauk SSSR Publ., 1927. Book 1, issue 1. XCVII p., 960 columns. (Russkaia istoricheskaia biblioteka [Russian Historical Library]. Vol. 39). (In Russian)
- 15 Panchenko A. M. *Tvorchestvo protopopa Avvakuma* [Works of Protopope Avvakum]. In: *Istoriia russkoi literatury XI–XVII vekov* [History of Russian Literature of the 11th – 17th Centuries], editor by D. S. Likhacheva. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985, pp. 375–383. (In Russian)
- 16 Tufanova O. A. *Tvorchestvo Avvakuma: poetika tragicheskogo* [Works of Protopope Avvakum: The Poetics of the Tragic]. Moscow, Kompaniia Sputnik+ Publ., 2007. 144 p. (In Russian)
- 17 Khlistunova N. V. Rol' sem'i v pedagogicheskikh vozzreniiakh protopopa Avvakuma [The role of family in the pedagogical views of Protopope Avvakum]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena*, 2007, vol. 17, no 43-2, pp. 235–238. (In Russian)